

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ**

**Первая мировая
война
в "восточном
измерении"**

Сборник статей

**Москва
ИВ РАН
2014**

~~ББК 78.37~~

~~Б98~~

Рецензенты: доктор исторических наук Д.Ю. Арапов
доктор исторических наук А.Ш. Кадырбаев

~~Б98~~ **Первая мировая война в «восточном измерении».**
Сборник статей. — М.: Институт востоковедения РАН,
2014. — 333 с.

ISBN 978-5-89282-609-9

Редактор-составитель: *кандидат исторических наук Т.А. Филиппова*

В сборник статей, посвященный событиям и проблемам Первой мировой войны в странах Востока, а также геополитическому соперничеству великих держав за доминирование на Востоке, вошли работы ряда отечественных и зарубежных учёных, в которых рассматривается широкий спектр вопросов, связанных с истоками, характером и последствиями глобального столкновения империй и наций начала XX века, его отражения в различных областях культуры, а также «восточный контекст» «Великой войны» в истории России. Порядок статей в сборнике соответствует проблемно-хронологическому принципу.

Сборник выпущен к IX съезду Российских востоковедов, организованному при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда, грант No 14-01-14016г

Редакция не несёт ответственности стилистику тестов и характер оформления сносок авторами.

~~ББК 78.37~~

~~Б98~~

ISBN 978-5-89282-609-9

© Институт востоковедения РАН, 2014

© Столяров А.А. (компьютерная вёрстка), 2014

Содержание:

<i>Д.Ю. Арапов</i>	5
Предисловие	
<i>О.Ю Бессмертная</i>	7
Разведывательное государство? Как не развалился правительственный дискурс о панисламизме, или «тренировочная площадка» шпиономании в последние «мирные» годы Российской империи	
<i>В.П. Булдаков</i>	29
Война и исламофобия в России: 1914 – 1916	
<i>А.Д. Васильев</i>	55
Планы турецкой разведки по дестабилизации Индии в годы Первой мировой войны	
<i>Л.В. Зеленина</i>	66
«Русская Центральная Азия» накануне Первой мировой войны: взгляд из Англии	
<i>О.В. Соколовская</i>	82
На путях к Константинополю: подготовка и проведение англо-французской операции в Проливах: Россия и Греция. 1914-1915	
<i>Н.С. Скоробогатых</i>	112
Австралийский Союз в Первой мировой войне: мифы и реалии	
<i>И.В. Саблин</i>	135
«Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии	
<i>В.В. Беляков</i>	156
Русские в Египте в годы Первой мировой войны	
<i>В.В. Познахирев</i>	165
Состав, структура и география размещения турецких военнопленных и гражданских пленнх в России 1914–1917	
<i>Б.В. Соколов</i>	200
Людские потери стран Востока в Первой мировой войне	

<i>А.Н. Хохлов</i>	214
Военнопленные-россияне в Германии, Австро-Венгрии и Турции в годы Первой мировой войны (по архивным и опубликованным материалам)	
<i>О.В. Будницкий</i>	236
«Великая война» и «русские деньги» в Японии	
<i>А.Т. Сибгатуллина, Т. Огюн</i>	260
Черноморская операция и вступление Османской империи в мировую войну в материалах турецкой и российской печати	
<i>Д.Д. Васильев</i>	281
Российская пресса 1914 года о вступлении Османской Турции в войну	
<i>Т.А. Филиппова</i>	300
От риторики вражды к критической рефлексии: Образ турка в журнале «Новый Сатирикон» в эпоху Первой мировой войны	
<i>Т.А. Аникеева</i>	325
«Великая война» в турецкой поэзии и фольклоре	
Авторы сборника	332

И.В. Саблин

«Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии

Первая мировая война привела к столкновению империй Евразии и реконфигурации их полиэтнических и поликонфессиональных пространств. Крушение Российской империи в феврале 1917 года и подписание 3 марта 1918 года советским правительством Брестского мира не только не привели к завершению войны на территории бывшей империи, но и существенно расширили географию и состав участников конфликта в азиатской ее части. В рамках так называемой Союзной интервенции, которая номинально была призвана содействовать эвакуации чехословацких сил и повторному открытию Восточного фронта, на территорию северной Евразии были введены войска Соединенных Штатов Америки, Японии и других стран.

Первая мировая война, которая в северной Евразии тесно переплелась с Гражданской войной, последовавшей за Октябрьской революцией, и конфликтами на территории бывшей Цинской империи, привела к интенсификации властных взаимодействий в Сибири и Монголии в условиях фактического отсутствия государства. Важнейшую роль в борьбе за пространства бывших Российской и Цинской империй сыграл дискурс национализма, получивший в контексте Первой мировой войны и сопутствующих событий глобальное распространение. Глобальное распространение антиколониального национализма в 1918–1919 годах, которое часто связывают с деятельностью Вудро Вильсона, получило в литературе название «Вильсоновский момент»¹.

В рамках настоящей статьи предлагается взглянуть на события, развернувшиеся в северной Евразии в 1911–1919 годах не через призму национальных историй² России, Монголии, Китая, Японии и Чехословакии, а с точки зрения глобальной, или транснациональной

истории. Подобная перспектива позволяет не только осветить трансграничные аспекты развития национальных движений в Сибири и Монголии, приведших среди прочего к созданию и частичной реализации проектов автономии Внешней Монголии (1915), бурятской национальной автономии (1917), монгольского федеративного государства (1919), буддийского теократического государства (1919) и, наконец, автономной бурят-монгольской (1923) и независимой монгольской республик (1924), но и реконструировать историю национализма как глобального дискурса, оказавшего в XX веке значительное влияние на властные отношения и постимперское переустройство во всех регионах мира.

Дискурсы играют ключевую роль в социальной мобилизации: именно через них формулируются и легитимируются властные притязания. Чаще всего участники властных отношений обращаются к актуальному недовольству и будущим выгодам той или иной группы населения³. (Будущие выгоды могут включать в себя, например, улучшение экономического и политического положения в условиях самоуправления, спасение в религиозном смысле или экономические выгоды от получения доступа к природным ресурсам. Дискурсы также активно применяются при конструировании групп – «себя» и «других» – между которыми должны быть перераспределены полномочия или ресурсы⁴.)

В начале XX века дискурсами, активно использовавшимися в ходе социальной мобилизации по всему миру, стали, среди прочих, дискурсы самоопределения и национализма⁵, а также социальной справедливости и классовой борьбы⁶. В Сибири и Монголии этого периода кроме глобальных дискурсов национализма и социализма важную роль играл также региональный буддийский дискурс.

Данные дискурсы не только использовались участниками властных отношений, но и влияли на них, выступая в роли ограничителей для их деятельности и смысловых полей, из которых политические акторы могли заимствовать те или иные формулировки. Кроме того, указанные дискурсы не были гомогенными и вступали во взаимодействие друг с другом и другими дискурсами. Каждый конкретный проект создания новой политической общности становился продуктом не только властных отношений, но и дискурсивного синтеза⁷. Остановимся подробнее на дискурсе национализма и его влиянии на постимперское переустройство в северной Евразии в период, непосредственно предшествовавший Первой мировой войне, во время глобального конфликта и в ходе Парижской мирной конференции.

Распространение националистических идеологий по всему миру стало одним из ведущих трендов конца XIX – начала XX веков.⁸ Популярным национализм стал как в метрополиях, так и во многих колониях. Новые политические мифологии, доктрины и программы, которые возникали на пересечении глобального и локальных дискурсов не обязательно ставили своей конечной целью деколонизацию и обретение независимости. Многие группы, артикулировавшие собственное единство в терминах нации, боролись с дискриминацией и требовали более широкого представительства в рамках существовавших властных структур, а также защищали собственные национальные языки и другие элементы культуры.⁹ Национальное движение бурят-монголов Российской империи развивалось в умеренном ключе и на начальном этапе не ставило своей целью достижение политической независимости. Идеи национального самоопределения получили широкое распространение в ходе Революции 1905 года, когда Цыбен Жамцарано, Гомбожаб Цыбиков и другие представители бурятской интеллигенции на национальных съездах и в прессе выступали за введение самоуправления и школьного образования на бурятском языке¹⁰.

В этом смысле бурятские деятели были частью глобального автономистского движения в рамках антиколониального национализма. Сам термин «автономия» стал важной частью бурятского национального дискурса только в 1917 году. Более того, в условиях Российской империи автономия понималась не как постоянная форма организации политического пространства, но как стадия на пути к интеграции той или иной территории в единое политическое пространство или как инструмент дезинтеграции полиэтнических и поликонфессиональных имперских пространств.

Как национализм, так и автономизм являются продуктами нового времени. Термин «автономия» появился в европейском дискурсе в XVII веке и использовался первоначально для обозначения самостоятельности индивида без его разрыва с обществом¹¹. После того, как Война за независимость США и Великая французская революция легитимировали идеи национального и демократического самоопределения, термин автономия приобретает коллективное измерение. Автономия в контексте распространения национализма стала альтернативой полной независимости национальных групп в составе империй. В Российской империи автономией обладали Великое княжество Финляндское и Царство Польское. Автономия Польши и Финляндии воспринималась некоторыми российскими государственными и общественными деятелями в качестве времен-

ной меры на пути к полной интеграции этих территорий в состав имперского пространства путем их русификации¹². Опыт, однако, показал, что предоставление определённой внутренней самостоятельности не приводит к прекращению борьбы за полную независимость.

Во внешней политике российское правительство, напротив, рассматривало автономию как дезинтеграционный инструмент. В XIX веке он был использован на Балканах. Хотя предоставление автономии Боснии, Герцеговине и Болгарии было предложено в 1876 году Уильямом Гладстоном¹³, автономными данные территории стали благодаря победе Российской империи в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Автономия представлялась шагом на пути к их отделению от Османской империи¹⁴.

В ходе Синьхайской революции 1911 года термин автономия стал важной частью регионального дискурса в сибирско-монгольском пограничье. В 1911 году ламы и князья Внешней Монголии провозгласили создание независимого теократического государства во главе с Богдо-гэгэном VIII, принявшим титул Богдо-хана. Сецессия Монголии не была признана правительством Китайской республики. Российская империя, как и в случае со славянскими странами на Балканах, поддержала дезинтеграцию Цинской империи, стремясь использовать ее для усиления собственных позиций в регионе. 21 октября 1912 года представители России и Монголии подписали в Урге соглашение. Согласно его русскому тексту, Российская империя признавала автономию Монголии и гарантировала ее защиту от Китая. В монгольском варианте текста, впрочем, в качестве перевода термина «автономия» использовалось слово «улс», которое означает «государство»¹⁵. В контексте недавнего поражения в Азии и общей ситуации в мировой политике Российская империя не пошла на открытый конфликт с Китаем. 23 октября 1913 года в Пекине была подписана двусторонняя декларация, в которой Россия признавала сюзеренитет Китая над Монголией, тогда как Китай признавал автономию Монголии и отказывался от отправки туда войск¹⁶.

После долгих переговоров 25 мая 1915 года в Кяхте было подписано трехстороннее соглашение, которое закрепляло достигнутые в 1912 и 1913 годах договоренности. За Внешней Монголией закреплялся статус автономии, хотя она и оставалась частью территории Китая. Монголия получала право на самоуправление и заключение международных договоров в сфере торговли и промышленности. Соглашение также закрепляло границу между Внешней и Внут-

ренной Монголией, остававшейся в прямом управлении китайских властей¹⁷. Статус еще одной населенной монголами территории – Барги или Хулунбуирской Монголии – также стал предметом переговоров между Российской империей и Китайской республикой. В октябре 1915 года российско-китайское соглашение закрепило за Баргой ряд автономных прав, оставив ее, однако, в прямом управлении Китая¹⁸.

Итак, в 1912–1915 годах международные соглашения закрепили автономный статус Внешней Монголии. Активное участие в создании автономной Монголии приняли бурятские общественные деятели. Жамцарано, к примеру, стал советником российского консульства в Урге и советником правительства Богдо-гэгэна. Привлекая представителей бурятской интеллигенции к строительству автономной Монголии, российское правительство, с одной стороны, нивелировало их политическую активность в Сибири, а с другой – усиливало собственное влияние в Монголии.

Февральская революция 1917 года поставила под вопрос будущее не только российско-монгольских отношений, но и самой России. В Байкальском регионе сторонники самоуправления на первом бурятском съезде, проходившем 23–25 апреля 1917 года в Чите, провозгласили создание бурят-монгольской автономии¹⁹. Важную роль в подготовке проекта сыграли бурятские политики, получившие опыт автономного строительства во Внешней Монголии. Временное правительство идею самоуправления не поддержало. Многие представители интеллигенции, в том числе Жамцарано, Элбек-Доржи Ринчино и Михаил Николаевич Богданов, вступили в Партию социалистов-революционеров, рассчитывая на ее решимость создать федеративное государство после созыва Учредительного собрания.

Та дезинтеграционная модель автономии, которая была перенесена имперским правительством с Балкан в Монголию, не предлагалась к воплощению в революционной России. Сторонники территориальной и экстерриториальной бурят-монгольской автономии²⁰ опирались на европейский социалистический дискурс. (Ключевую роль в развитии понятия автономия сыграли Михаил Бакунин, а также австрийские марксисты Отто Бауэр и Карл Реннер. Социалисты-революционеры пытались связать представления Бакунина о коллективной автономии и идеи национального самоопределения²¹, а потому выступали в роли естественных союзников для бурятских политиков.) До Февральской революции российские марксисты, в отличие от австрийских марксистов, социалистов-

революционеров и национальных социалистических организаций, идею экстерриториальной автономии не поддерживали, понимая право на национальное самоопределение как право на сепарацию, а не на формирование автономий в составе федераций²².

Итак, идея Национальной автономии монголо-бурят опиралась на идеи социалистов-революционеров и глобальный дискурс антиколониального национализма, противореча представлениям российских марксистов. Проект, представленный Богдановым, утвержденный съездом и дорабатывавшийся в течение 1917 года, предусматривал создание нескольких уровней самоуправления на основе всеобщего избирательного права и объединение всего бурятского народа в единое политическое целое. Первым и последующими бурятскими съездами и временным исполнительным органом – Бурятским национальным комитетом (Бурнацкомом) – последовательно подчеркивалось стремление добиваться обеспечения коллективных прав бурят через Всероссийское учредительное собрание²³.

После Октябрьской революции 1917 года сторонники бурятской автономии оказались в двойственном положении: с одной стороны, В.И. Ленин еще в 1914 году указывал на право народов на самоопределение вплоть до отделения²⁴, с другой – большевики, в том числе буряты, выступали категорически против национального размежевания внутри Советской России. Шаткое положение советской власти в Сибири, вызванное мятежом Чехословацкого корпуса, впрочем, заставило большевиков изменить свое отношение к националистам уже летом 1918 года и признать органы бурятского самоуправления органами советской власти. Таким образом, к лету 1918 года на территории бывшего имперского пограничья сформировались монгольская и бурят-монгольская автономии, хотя последняя так и не получила официального статуса ввиду отсутствия стабильной центральной власти.

Февральская революция привела к подъему антиколониальных национализмов в Финляндии, Польше, Украине, Центральной Азии, на Кавказе и в других регионах бывшей империи. Широкое обсуждение права на национальное самоопределение началось в Российской империи до знаменитых «Четырнадцати пунктов» Вудро Вильсона и часто интерпретировало это право как право на отделение в формулировке Ленина²⁵, хотя имя последнего и других большевиков националистами почти не упоминалось. Действительно, Ленин, скорее, позиционировал себя в дискуссии по вопросам национализма, обострившейся после начала Первой мировой войны,

чем претендовал на авторство концепции национального самоопределения.

Первая мировая война оказала значительное влияние на события в Байкальском регионе. Значительный процент регионального населения участвовал в войне. Участвовали в войне и представители бурятского населения, как казаки, так и освобожденные от призыва, но мобилизованные на тыловые работы представители инородческого сословия. Среди участников войны, служивших или живших до нее в Байкальском регионе, стоит отметить двух казаков – Григория Михайловича Семенова и Романа Федоровича фон Унгерн-Штернберга – которые также были участниками недавних событий во Внешней Монголии. Во время войны Семенов и Унгерн приняли участие в формировании добровольных соединений из ассирийцев на Кавказском фронте, стремясь использовать периферийный национализм в борьбе с Османской империей²⁶.

Периферийный национализм народов Российской империи Семенов планировал использовать иначе. Семенов стал автором идеи организации добровольных вооруженных формирований из бурят Байкальского региона. Получив поддержку Временного правительства, Семенов вернулся летом 1917 года в Байкальский регион и занялся активной вербовкой бурят. Несмотря на утверждения Семенова об успехах предприятия²⁷, широкой поддержки со стороны бурятского населения инициатива не нашла. Тут сказался военный опыт бурят, мобилизованных на тыловые работы, на которых был высокий уровень заболеваемости и смертности²⁸.

Семенов продолжил вербовку после Октябрьской революции, но теперь принимал и русских. Региональными властями инициатива поддержана не была, и финансирование Семенова прекратилось. Он и его небольшой отряд, тем не менее, продолжили получать довольствие в лагере военнопленных близ Верхнеудинска. Первые столкновения отряда Семенова и региональных властей произошли в ноябре 1917 года. В начале декабря Семенов предпринял попытку установить контроль над Верхнеудинском и Читой, но потерпел неудачу и ушел в Даурию, где к нему присоединился Унгерн и другие казаки. Семенов приказал продолжить вербовку бурят, монголов и русских в пограничном регионе, а сам отправился в Маньчжурию, где планировал получить поддержку генерала Дмитрия Леонидовича Хорвата. К концу месяца Семенов рассматривался местными советскими властями уже в качестве серьезной угрозы²⁹. Став во главе вооруженных формирований из местного населения, организованных по национальному признаку, и получив поддержку

Японии, Семенов усилил влияние националистических настроений в регионе.

Первая мировая война продолжила оказывать влияние на циркуляцию в регионе националистических идей и после своего номинального окончания для Советской России. Брестский мирный договор, подписанный 3 марта 1918 года представителями Центральных держав и Советского правительства поставил под угрозу будущее солдат, перешедших на сторону союзников и воевавших против своих империй. Самой значительной группой здесь были чехи и словаки, организованные в военные отряды, руководимые Чехословацким национальным комитетом – организацией, добивавшейся независимости Чехословакии от Австро-Венгрии. После Октябрьской революции чехословацкие силы численностью порядка 45 тыс. человек были провозглашены частью Чехословацкой армии под французским командованием. В феврале 1918 года им было приказано вновь вступить в войну на Западном фронте. Ввиду невозможности достичь Западного фронта через оккупированные немецкими войсками территории, чехословаков было решено отправить по железной дороге во Владивосток, а оттуда – морем во Францию. Центросибирь, советское правительство Сибири, рассматривало чехословаков в качестве угрозы, но 26 марта 1918 года Совнарком и Чехословацкий национальный комитет договорились о продолжении эвакуации.³⁰

Несмотря на соглашение о частичной сдаче оружия, конфликта избежать не удалось. В мае – сентябре 1918 года в ходе событий, ставших известными как восстание Чехословацкого корпуса, чехословацкие и присоединившиеся к ним американские, японские, британские, французские, канадские и китайские вооруженные силы установили контроль над Сибирью, где был создан целый ряд антибольшевистских правительств. Дополнительные вооруженные соединения были сформированы из итальянских, сербских, польских и румынских военнопленных, воевавших ранее в составе армий Центральных держав.³¹

Согласно заявлению Государственного департамента США, сделанному 5 августа 1918 года, основной целью Союзной интервенции была помощь чехословакам, атакованным австрийскими и немецкими военнопленными. Другой задачей интервенции была поддержка усилий по созданию в России самоуправления и сил самообороны. Номинально Япония и США, ставшие основными участниками интервенции в Сибири, вновь открывали Восточный

фронт против Центральных держав, отказываясь от вмешательства во внутренние дела России.³²

Заявленные цели подвергались сомнению самими участниками интервенции. По данным капитана Американских экспедиционных сил Лоренса Паккарда, заявления чехословаков о том, что во время эвакуации их атаковали большевики, немецкие агенты и военнопленные, не получили подтверждения, а потому в спасении они не нуждались. Ключевой задачей интервенции, по мнению Паккарда, была демонстрация поддержки новому чехословацкому государству, искавшему признания³³. Сибирь тем самым стала ключевым центром взаимодействий по разделу не только Российской, но и Австро-Венгерской империи. Операции чехословаков в России имели колоссальное значение для консолидации их национальной идентичности. Благодаря участию в войне на вновь открывшемся Восточном фронте Чехословацкий национальный совет добился признания в качестве фактической воюющей стороны и провозгласил независимость Чехословакии 28 октября 1918 года.³⁴ Добившись права на национальное самоопределение и независимость, чехословаки стали частью так называемого «Вильсоновского момента» – глобального националистического тренда³⁵.

К осени 1918 года Сибирь стала ареной столкновения национализмов. Национальный состав многоуровневого конфликта, ставшего частью как Первой мировой, так и Гражданской войны, отличался чрезвычайным разнообразием. В японской армии служили корейцы. Многие американские солдаты родились в Российской империи и других европейских государствах. Красная армия была интернациональной по определению. Кроме представителей крупнейших национальностей бывшей империи, в ее состав вошло значительное количество военнопленных, в основном венгров, немцев и австрийцев. 4000 тысячи военнопленных из Читы и 1300 военнопленных из Верхнеудинска присоединились к большевикам. Многие военнопленные сражались с чехословаками не из чувства интернациональной солидарности, а из-за того, что те не давали им вернуться на родину. Некоторые чешские и словацкие дезертиры также присоединялись к большевикам, называя себя «социальными революционерами», интернационалистами и коммунистами. Корейцы поддерживали большевиков как по интернационалистическим, так и по националистическим соображениям. Многие из них рассчитывали на создание Восточной красной армии, которая освободила бы Корею от японцев. Китайцы присоединялись к Красной армии по целому ряду причин. Некоторых интересовала возможность быстро-

го заработка в условиях войны. Командование интернациональными вооруженными силами требовало значительного штата переводчиков³⁶.

Силы Семенова, насчитывавшие к осени 1918 года несколько тысяч человек, также были чрезвычайно разнообразными по своему национальному составу. Кроме русских, монголов и бурят, под его командованием находились китайцы, корейцы, японцы и татары (башкиры), а также сербы, которые, как и чехословаки, были следовавшими через Маньчжурию с Восточного на Западный фронт бывшими австро-венгерскими солдатами. По инициативе японского советника Семенова Куроки Чикаэши был создан батальон из 600 японских «добровольцев». Управляя своими войсками, Семенов опирался на националистические идеи. Отдельные части были максимально этнически однородными, а командование, по возможности, осуществлялось на родном для солдат языке. Семенов также использовал существовавшие национальные противоречия между китайцами и монголами, русскими и татарами (башкирами), подерживая соперничество разных национальных частей в бою³⁷.

К осени 1918 года в Сибири установился международный режим управления по линии железной дороги. Территории иркутских бурят контролировались войсками А.В. Колчака и чехословацкими войсками, забайкальских – отрядами Семенова, японскими и американскими войсками. Из колониальной периферии сибирско-монгольское пограничье превратилось в важную арену глобальных взаимодействий, на которой происходил передел, по крайней мере, трех империй – Российской, Австро-Венгерской и Цинской – национальными и интернациональными акторами.

В условиях фактического отсутствия государства и в контексте популярности идеи самоопределения в интерпретации Вильсона в Забайкалье было провозглашено создание монгольского федеративного государства, в которое должны были войти и земли бурят. Несмотря на заинтересованность японского правительства и военного командования в ресурсах Сибири и Монголии, его роль в создании проекта переоценивать не стоит. В январе 1919 года Семенов, Даши Сампилон, Фушинга и другие бурятские и монгольские политики собрались на станции Даурия, где было принято решение о созыве большого съезда представителей бурят и монголов. Японские военные рапортовали с места о планах региональных политиков по институционализации бурятского и монгольского самоуправления (自_レ立_レ). Командование отдало приказ японскому наблюдателю Судзуэ в

монгольские дела не вмешиваться. То же было рекомендовано и Семенову³⁸.

Японское командование отнеслось к идее политического оформления монгольского единства с осторожностью, указывая на возможные последствия для международных отношений. Поддержка идеи создания монгольского государства оказала бы негативное влияние на отношения Японии с Россией и Китаем³⁹. Стараясь также избежать конфликта с европейскими странами и США, японские дипломаты и командование в организации съезда участия не приняли. В процессе подготовки съезда до японского руководства дошли сведения о том, что не самоуправление, а независимость (獨立) объединенной Монголии должна была стать главной темой для обсуждения. Японские дипломаты отнеслись к этой информации настороженно и пытались выяснить у военных властей, причастен ли к идее независимости Монголии советник Семенова Куроки.⁴⁰

Сведения оказались верными: на съезде, начавшемся 25 февраля 1919 года в Чите, было провозглашено создание нового монгольского государства. Председателем съезда стал молодой лама из Внутренней Монголии Нейсе-гэгэн (Ничи Тойн Богдо Мэндэбаяр). К началу съезда произошла редифиниция бурятской нации, которая, по мнению некоторых бурятских политиков, являлась «одной из ветвей Чингисханской Монголии» – частью суперэтнической монгольской общности. Подобный взгляд, разделяемый товарищем председателя съезда Сампилоном, был поддержан и другими делегатами. Участники съезда, именовавшие себя представителями «от всей Монголии: Внутренней, Внешней, Хулунбуирской и Бурятской», согласились, что «Монголия первоначально была отдельным государством, что впоследствии она, завязавшая родственные связи с Маньчжурией, хотя и присоединилась к последним в качестве гостя, однако религию и власть сохранила за собой прежнюю, и что ныне и по отношению к Китайской республике она не находит ничего общего в обычаях, ни в интересах», и постановили, что «все люди монгольского происхождения образуют полноправное государство». Столицей федеративного государства, состоящего из четырех аймаков – Внутренней, Внешней, Хулунбуирской и Бурятской Монголии – должен был стать «Хулунбуирский город Хайлар». Также на съезде было избранно Временное правительство, состоящее из четырех министерств: внутренних дел, иностранных дел, финансов и военного.⁴¹

Несмотря на утверждения делегатов съезда о том, что они являются представителями всей Монголии, правительство автоном-

ной Внешней Монголии во главе с Богдо-гэгэном посылать делегатов на съезд отказалось и допускало участие в проекте только в случае его поддержки Парижской мирной конференцией и особенно США и Японией⁴². Элиты Внешней Монголии, тесно связанные с Россией и Китаем, отнеслись скептически как к возможному протекторату Японии, так и к лидирующей роли бурятских политиков. Позиция Внешней Монголии поставила под сомнение успех всего начинания⁴³. Стоит отметить, что не было единства и в рядах бурятских политиков. В отличие от Ринчино и Сампилона, принявших участие в съезде в качестве делегатов, Жамцарано, избранный заочно министром иностранных дел, проект не поддержал, а Богданов редко посещал заседания и «держался уклончиво»⁴⁴.

Стараясь развеять опасения политиков, ожидавших жесткой реакции правительства Колчака, Семенов утверждал, что создание монгольского «буфера» было в интересах России, готовой ради этого уступить часть своей территории. Судзуэ, также посещавший заседания, от громких заявлений воздержался. Куроки же, по сообщениям участников съезда, обещал поддержку нового государства со стороны Японии. Два японских и один русский советники присоединились к Временному монгольскому правительству, возглавляемому Нейсе-гэгэном и до занятия Хайлара располагавшемуся на станции Даурия. Говоря об отношениях с другими акторами международных отношений, делегаты конгресса высказались в поддержку независимости тибетцев и маньчжур⁴⁵. Семенов попытался привлечь внимание США к проекту через главу Службы разведки Американских экспедиционных сил, подполковника Дэвида Барроуза, которому были вручены две телеграммы: одна была адресована Вудро Вильсону, а другая – Парижской мирной конференции⁴⁶.

Помимо телеграмм, призывавших признать и поддержать новое государство, съезд принял решение отправить делегацию из пяти человек в качестве представителей от «семи миллионов» монголов на Парижскую мирную конференцию. Временным правительством была подготовлена декларация. Нейсе-гэгэн и другие авторы декларации апеллировали к прошлому монголов («наше монгольское племя, кочуя в Азии с древнейших времен, составляло самостоятельное государство с полными правами»); нелегитимности и нестабильности Китайской республики; угрозам буддизму со стороны китайского государства («обнаружились признаки того, что все храмы, построенные нашими предками, будут ими разрушены, и что наша религия будет ими попрана»); этническому неравенству в Китае и России.⁴⁷

Проект создания федеративного монгольского государства был частью «Вильсоновского момента», так как в декларации содержалась следующая легитимирующая формулировка: «В настоящее время, с открытием мирной конференции, Президент Северо-Американских Соединенных Штатов, исходя из человеколюбивого чувства всевышнего заявил, что было бы справедливым предоставить всем народностям, которые утратили свою религию и первоначальные права и отделились от своих по плоти и крови, соединиться вместе и образовать государство»⁴⁸.

Сторонники независимости Монголии в своих надеждах на Парижскую мирную конференцию и особенно на Вильсона были не одиноки. Делегатов на конференцию отправляли, например, кубанские казаки, провозгласившие создание Кубанской Народной Республики, и корейцы-участники «Движения 1 марта», добивавшиеся независимости от Японии. Против ущемления интересов китайской нации на конференции протестовали и националисты из «Движения 4 мая»⁴⁹.

Сторонники монгольской федерации, однако, дополнили глобальный дискурс национального самоопределения региональными религиозными идеями. Основой новой нации должны были стать суперэтническое монгольское единство и буддизм. Нейсе-гэгэн был избран главой правительства одновременно как религиозный лидер и как потомок Чингисхана («достигший совершенства в вере и милосердии и главенствующий в делах религии, будучи из рода Чингисова»)⁵⁰.

Вопрос территории нового государства остался неразрешенным. В декларации предлагалось «на основании вышесказанного Президентом Северо-Американских Соединенных Штатов, отмежевать от Китая находящуюся вне Великой стены вполне отчетливую первоначальную монгольскую территорию». Об уступках со стороны России в декларации ничего не говорилось, однако, по информации, дошедшей до правительства Колчака, территория нового государства могла бы включить и Забайкалье. Русских из Забайкалья предполагалось переселить в Иркутскую губернию, откуда, в свою очередь, на восток переселились бы буряты. Точно также из Внутренней Монголии планировалось выселить китайцев. В случае невозможности включения всего Забайкалья, от России в пользу нового государства отторгались бы два южных уезда Забайкальской области, куда и были бы переселены буряты с обменом земель. Согласно этому второму варианту, за китайцами оставалась южная Монголия, куда они переселялись бы из северной, меняясь землями

с монголами⁵¹. В крайнем случае, предлагалось создать новое государство исключительно на территории бывшей Цинской империи⁵².

Протесты правительства Колчака, отказ французских, британских и американских представителей взаимодействовать с Временным правительством⁵³, а также политическая ситуация в мире заставили Министерство иностранных дел Японии отказать движению в поддержке, о чем и было заявлено 7 марта 1919 года.⁵⁴ Куроки был вскоре отозван из Сибири⁵⁵. Япония, впрочем, продолжила оказывать неофициальную поддержку движению⁵⁶.

Сотрудничество с американским правительством так и не началось. Барроуз не отправил телеграммы и вернул их представителю Семенова во Владивостоке. Хотя Вудро Вильсон был информирован о проекте, как и во многих других случаях⁵⁷, никакой поддержки монгольскому национальному движению он не оказал. Ни послания, ни делегация Парижа не достигли. В Токио группе из трех русских и двух монголов не удалось получить документы для проезда во Францию⁵⁸.

Параллельно суперэтническому проекту в Байкальском регионе разрабатывался проект создания теократического государства во главе с влиятельным ламой Лубсаном Самданом Цыденовым, сторонником реформ в буддизме⁵⁹. Ключевую роль здесь сыграл вопрос участия бурятского населения в вооруженных конфликтах. После установления в Забайкалье власти Семенова представители бурятского самоуправления в лице Народной думы бурят-монголов Восточной Сибири (Бурнадумы) – органа, сформированного на очередном бурятском съезде вместо Бурнацкома – организовали призыв в войска Семенова. Последние можно интерпретировать как антибольшевистские силы в Гражданской войне, как часть российских вооруженных сил в Первой мировой войне, а после февральского съезда – и как войска монгольского федеративного государства. Бурятские и монгольские формирования размещались там же, где и Временного правительство – на станции Даурия.

Против призыва выступила значительная часть бурятского населения Забайкалья. Наиболее организованной оппозиция была в долине реки Кижинги, где популярностью пользовались буддийские идеи ненасилия и лично Цыденов. Местное население отправляло делегатов к Цыденову, жившему тогда в уединении, с просьбами объяснить военные инициативы органов бурятского самоуправления, которые шли вразрез с буддизмом. В январе 1919 года распространились слухи о том, что Цыденов планирует спасти бурят от призыва, сделав их своими подданными. Несмотря на то, что изна-

чально сторонников Цыденова, известных как балагаты, привлекали в основном религиозные идеи, к началу 1919 года в Забайкалье сложилось разнообразное по своему социальному составу общественно-политическое балагатское движение, объединившее тех, кто выступал против политики Бурнардумы, от простых крестьян до представителей родовой знати⁶⁰.

Сторонники Цыденова в феврале 1919 года собрались в урочище Суархэ (Халцагай-Толгой), где Цыденов жил в уединении, и обратились к нему с просьбой защитить население от призыва. Через своего ближайшего соратника Агвана Силнама (Доржи Бадмаева)⁶¹ Цыденов передал свое согласие и провозгласил создание теократического государства, приняв титул Дхармараджи Трех Миров (Неба, Воды и Земли) – духовного и светского правителя. Урочище Суархэ стало столицей нового государства. Теократическое государство, в отличие от других государств, управлялось и защищалось Богом, который и освобождал своих подданных от военной службы и войны, тогда как другие государства «существуют под эгидой орудий и плетутся в морях грехов, прибегая к войне».

Агван Силнам передал собравшимся устные инструкции по разработке конституции и созыву Учредительного собрания. Участники съезда сформировали комиссию из двадцати двух человек и решили собраться вновь не позднее чем через три дня для того, чтобы представить Цыденову проект на утверждение. Комиссия, состоявшая из бывших и действующих участников местных органов власти и лам Чесанского и Кудунского (Кижингинского) дацанов, составила проект конституции из тридцати шести статей, касающихся светского управления. Все религиозные постановления должны были составляться лично Цыденовым⁶².

Согласно проекту конституции, Цыденов становился главой теократического государства. В правительство входили президент, вице-президент и восемь министров (внутренних дел, иностранных дел, юстиции, двора, торговли и промышленности, финансов, земледелия и народного просвещения) с заместителями. Вопросы общего характера разрешались президентом, тогда как по более важным делам требовалось согласие Дхармараджи.⁶³ Проект конституции был принят представителями балагатского населения, собравшимися на Учредительное собрание в конце апреля 1919 года у священной горы Челсан (Челсана) недалеко от Кижинги. Собрание единогласно избрало Агвана Силнама наследником престола, назначило членов правительства и принесло подношение монарху⁶⁴.

Религиозная легитимность нового государства исходила от Цыденова; его светская легитимность во многом опиралась на идеи национализма, а именно – на идею выборного Учредительного собрания, восходящую к Великой французской революции и получившую большую популярность на территории бывшей Российской империи в ходе Февральской революции. В целом конституция нового государства была весьма современной. Государственные служащие избирались сроком на один-два года. Государственное собрание, первой сессией которого стало Учредительное собрание, избиралось всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Балагаты – административные единицы нового государства – впрочем, управлялись владельцами юрт⁶⁵.

В состав нового государства вошло около 13 тыс. человек, стремившихся спастись от призыва и других трудностей военного времени. Противников теократического государства – Самовольно отделившегося государства Кудунской долины⁶⁶ – ожидало не только светское изгнание через суд, но и кара в религиозном смысле. Новое государство отказывалось от формирования армии. Охранять его должна была сила Дхармараджи. Отказаться от насилия вообще авторам проекта не удалось: в 1919 году и позднее имели место столкновения между балагатами и их противниками⁶⁷. Стремление сторонников монгольской федерации увеличить число солдат-бурят в связи с планами возможного похода на Внешнюю Монголию для включения ее в проект силой, увеличивали число сторонников Цыденова⁶⁸.

Отказ от насилия в условиях Первой мировой и Гражданской войны привел теократическое государство к быстрому краху. Бурнардумой и Семеновым в Кудунскую долину был отправлен вооруженный отряд, целью которого была ликвидация движения. В начале мая 1919 года отряд прибыл в столицу во время сессии правительства. Цыденов, Бадмаев и члены правительства были арестованы, допрошены и заключены в Верхнеудинскую тюрьму⁶⁹.

Во время допросов Цыденов представил свое понимание идеи самоопределения: «Отсюда я был уверен в том, что ныне открыт широкий путь организации любого государства, любого политического общества и любой организации в порядке революционных действий». Несмотря на арест Цыденова и его отказ от политической власти, сторонники теократического государства не признали поражения и сохранили лояльность правителю, что привело к эскалации насилия в Кудунской долине⁷⁰. Впоследствии Цыденов несколько раз выходил на свободу и вновь арестовывался, оставаясь

весьма популярным, однако государство так и не было восстановлено.

В течение 1919 года потерпели неудачу и другие политические проекты, разработанные в Сибири и Монголии. Проект федеративного монгольского государства, успех которого был поставлен под сомнение отсутствием международной поддержки и отказом Внешней Монголии присоединиться, окончательно провалился после того, как противоречия в рядах его сторонников привели к насилию. В конце 1919 – начале 1920 годов Богданов был убит людьми Семенова, а Нейсе-гэгэн – китайскими войсками. Эти события привели к прекращению деятельности Бурнардумы и Даурского правительства, то есть, фактически к концу как бурятской автономии, созданной в 1917 году, так и монгольской федерации. Хотя правительство автономной Внешней Монголии отказалось участвовать в проекте объединения, сам факт его существования был использован властями Китайской республики для ликвидации монгольской автономии и ввода войск на ее территорию в конце 1919 года.

* * *

Синьхайская революция в Цинской империи привела к развитию национальных движений и распаду последней. Несмотря на тесную связь с региональными буддийскими идеями, монгольское национальное движение испытало влияние глобальных дискурсов. Через Российскую империю в регион пришла концепция автономии, понимаемая как промежуточная форма обеспечения коллективного права на самоопределения на пути к полной независимости. Влияние данного термина на монгольский политический язык требует дальнейшего изучения, поскольку в монгольском тексте российско-монгольского соглашения употребляется слово «государство».

Некоторые участники бурятского национального движения, оформившегося в годы Революции 1905 года, приняли участие в монгольских событиях и строительстве автономной Внешней Монголии. Этот опыт и сотрудничество бурятских националистов с социалистами сделал термин «автономия» важной частью бурятского политического дискурса после Февральской революции. Бурят-монгольская автономия, провозглашенная в 1917 году, отличалась по своей сути и форме от автономии Внешней Монголии и должна была стать частью будущего федеративного российского государства, а не отдельным государством.

Первая мировая война, пришедшая в регион через возвращающихся с фронта и тыловых работ местных жителей, а также че-

рез Союзную интервенцию, привела к радикализации политического дискурса и усилению в Сибири и Монголии глобального националистического тренда. Автономия больше не представлялась достаточной для обеспечения коллективного права на самоопределение. В духе идей Вильсона и Ленина некоторые региональные политики стали поддерживать идеи создания независимых государств. Хотя оба проекта независимости – монгольская федерация и буддийская теократия – в той или иной степени относились к «Вильсоновскому моменту», они стали продуктом не только дискурса национализма, но и регионального буддийского дискурса: для обоих проектов необходима была не только светская, но и религиозная легитимация; оба государства возглавлялись религиозными деятелями.

Хотя рассмотренные политические проекты 1911–1919 годов фактически провалились, они оказали существенное влияние на дальнейшие постимперское переустройство в регионе. Они показали политическую значимость не только этнической, но также религиозной и суперэтнической идентичности в регионе, что заставило большевиков пересмотреть свои взгляды на периферийные национализмы и религию в Азии. В начале 1920-х годов по отношению к региону большевиками осуществлялась политика, принимающая во внимание указанные идентичности, и включавшая в себя создание Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики, независимой Монгольской Народной Республики, институционализацию и поддержку их взаимосвязей через язык, торговлю и, что особенно важно, через религию. Компромисс большевиков с буддизмом обеспечил поддержку обновленческому движению, ставившему своей целью модернизацию буддизма⁷¹.

Несмотря на неоднократные изменения политических условий в России и Монголии, рассмотренные в статье проекты являются не только важной частью глобальной истории национализма и федерализма, но и прямыми предшественниками существующих ныне Республики Бурятия в составе Российской Федерации, независимой Монголии и монгольских автономий в Китайской Народной Республике. Буддизм, национализм и идеи социальной справедливости сохраняют свое значение для региона.

¹ *Manela E.* The Wilsonian moment: self-determination and the international origins of anticolonial nationalism. Oxford: Oxford University Press, 2007.

² *Wimmer A., Schiller N.G.* Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences // *Global Networks*. 2 (4). 2002. P. 301–334.

³ *Regan P.M., Norton D.* Greed, grievance, and mobilization in civil wars // *Journal of Conflict Resolution*. 49 (3). 2005. P. 319–336.

-
- ⁴ *Tarrow S.G.* Power in movement: Social movements and contentious politics. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 31.
- ⁵ *Manela.*
- ⁶ *Eley G.* Forging democracy: the history of the left in Europe, 1850–2000. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- ⁷ *Suny R.G.* The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. P. 13.
- ⁸ *Bayly C.A.* The birth of the modern world, 1780–1914: global connections and comparisons. Malden, MA: Blackwell Publishers, 2004.
- ⁹ *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt: Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. 5. Ausgabe. München: C. H. Beck, 2010. S. 584.
- ¹⁰ История Бурятии / ред. Б.В. Базарова. Том 3. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2011. С. 15–16.
- ¹¹ *Schneewind J.B.* Autonomy, obligation, and virtue: An overview of Kant's moral philosophy // *The Cambridge Companion to Kant* / ed. by Paul Guyer. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 309–341.
- ¹² Хрипаченко Т.И. Понятия федерация, децентрализация, автономия в социалистическом и либеральном дискурсах Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода / ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 124.
- ¹³ *Gladstone W.E.* Bulgarian Horrors and the Question of the East. London: John Murray, 1876.
- ¹⁴ *Tokay A.G.* Ottoman–Bulgarian Relations, 1878–1908 // *Balkanistica*. 14. 2001. P. 117–135.
- ¹⁵ Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917 / ред. И.В. Козьменко, Е.А. Адамова. М.: Госполитиздат, 1952. С. 410–411.
- ¹⁶ Там же. С. 418–420.
- ¹⁷ Батсайхан О. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ, 1911–1916, Улаанбаатар: Эмгент, 2002.
- ¹⁸ *Williams E.T.* The relations Between China, Russia and Mongolia // *The American Journal of International Law*. 10 (4). 1916. P. 800; *Lattimore O.* Political conditions in Mongolia and Chinese Turkestan // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 152. 1930. P. 321; *Tang P.S.H.* Sino-Soviet territorial disputes: past and present // *Russian Review*. 28 (4). 1969. P. 406.
- ¹⁹ ГАРФ ф. 1701, оп. 1, д. 16, л. 18а–18а об., 26–27.
- ²⁰ Там же. Л. 19.
- ²¹ *Bakunin M.* Federalism, Socialism, Anti-Theologism (1867) // *Bakunin on anarchy: selected works by the activist-founder of world anarchism* / Sam Dolgoff. New York: Vintage Books, 1972. P. 102–147; *Renner K.* State and Nation (1899) // *National-Cultural Autonomy and Its Contemporary Critics* / Ephraim Nimni. London: Routledge, 2005. P. 15–47; *Bauer O.* Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Vienna: Verlag der Wiener Volksbuchhandlung Ignaz Brand, 1907; Хрипаченко. С. 105–106, 110–112, 114.
- ²² Ленин В.И. О праве наций на самоопределение (1914) // Полное собрание сочинений, 5-ое изд. Том 25. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 255–320; Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос (1913) // Сочинения. Том 2. М.: ОГИЗ, 1946. С. 290–367; Хрипаченко. С. 109–110.
- ²³ ГАРФ ф. 1701, оп. 1, д. 16, л. 18а–18а об., 26–27 об.

-
- ²⁴ Ленин. С. 255–320.
- ²⁵ Там же. С. 259.
- ²⁶ История Бурят-Монгольской АССР / ред. П.Т. Хаптаева. 2-ое изд. Том. 1. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1954. С. 465–466; Семенов Г.М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ, 2002. С. 75–76.
- ²⁷ Семенов. С. 74–86, 97–98.
- ²⁸ ГАРБ ф. 483, оп. 1, д. 2, л. 54; Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг.: документы и материалы / ред. Б. Б. Батуева. Улан-Удэ: ОНЦ Сибирь, 1994. С. 49.
- ²⁹ Семенов. С. 99–109; Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / ред. С.С. Хромова. М.: Советская энциклопедия, 1983; Максаков В., Турунов А., Шумяцкий Б. Хроника Гражданской войны в Сибири (1917–1918). М.: Государственное издательство, 1926. С. 54.
- ³⁰ Максаков. С. 60–61; Салдугеев Д.В. Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета, Серия 1: История. 2, 2005. С. 88–98.
- ³¹ *National Archives Microfilm Publication*. M917, Roll 1. P. 3, 338, 379, 755; *Mautone A. Trentini e Italiani contro l'Armata rossa: la storia del Corpo di Spedizione in Estremo Oriente e dei "Battaglioni Neri"*, 1918–1920. Trento: Editrice Temi, 2003; *Isitt B. From Victoria to Vladivostok: Canada's Siberian Expedition, 1917–19*. Vancouver: UBC Press, 2010; Очиржапов Ц.М. Теократическое балагадское движение и бандитизм по Хоринскому аймаку в 1917–1927 гг., б.д., С. 6.
- ³² *National Archives Microfilm Publication*. M917, Roll 1. P. 121–122.
- ³³ *National Archives Microfilm Publication*. M917, Roll 10. P. 44, 51–52.
- ³⁴ *National Archives Microfilm Publication*. M917, Roll 1. P. 344–345, 470, 689, 757–758.
- ³⁵ *Manela*.
- ³⁶ Национальное движение. С. 168; *National Archives Microfilm Publication*. M917, Roll 1. P. 66, 73, 201, 313, 703, 710, 719, 724, 767.
- ³⁷ *National Archives Microfilm Publication*. M917, Roll 1. P. 661; Семенов. С. 148–149, 166–168, 184–185, 360.
- ³⁸ *Japan Center for Asian Historical Records*. Reference Code B03050173500, Reel 1-0649. P. 207, 210, 212–213.
- ³⁹ *Ibid*. P. 186–187.
- ⁴⁰ *Ibid*. P. 189, 191–192.
- ⁴¹ ГАРФ ф. 200, оп. 1, д. 406, л. 1–1 об.; ГАРФ ф. 1701, оп. 1, д. 16, л. 3 об.–4.
- ⁴² Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая жизнь монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. С. 146–147.
- ⁴³ ГАРФ ф. 200, оп. 1, д. 478, л. 78 об.–79, 104.
- ⁴⁴ Там же. Л. 78–79, 103–104 об., 136.
- ⁴⁵ ГАРФ ф. 200, оп. 1, д. 406, л. 1 об., 8; ГАРФ ф. 200, оп. 1, д. 478, л. 103 об.–104, 116; Базаров, Жабаева. 151.
- ⁴⁶ ГАРФ ф. 200, оп. 1, д. 478, л. 48, 224; *National Archives Microfilm Publication*. M917, Roll 1. P. 316, 321.
- ⁴⁷ ГАРФ ф. 200, оп. 1, д. 406, л. 1 об.; ГАРФ ф. 200, оп. 1, д. 478, л. 52, 116, 118–120, 144–145.
- ⁴⁸ ГАРФ ф. 200, оп. 1, д. 478, л. 120.
- ⁴⁹ *Alston C. 'The Suggested Basis for a Russian Federal Republic': Britain, Anti-Bolshevik Russia and the Border States at the Paris Peace Conference, 1919* // *History*.

-
- 91 (301). 2006. P. 24–44; *Wells K.M.* Background to the March First Movement: Koreans in Japan, 1905–1919 // *Korean Studies*. 13 (1). 1989. 5–21; *Schwarcz V.* The Chinese enlightenment: intellectuals and the legacy of the May Fourth movement of 1919. Berkeley, CA: University of California Press, 1986.
- ⁵⁰ *Japan Center for Asian Historical Records*. Reference Code B03050173600, Reel 1-0649. P. 234–235; *ГАРФ ф.* 200, оп. 1, д. 478, л. 120, 121.
- ⁵¹ *ГАРФ ф.* 200, оп. 1, д. 478, л. 78–78 об., 104, 121–122.
- ⁵² Там же. Л. 79 об.–80.
- ⁵³ *ГАРФ ф.* 200, оп. 1, д. 406, л. 3; *ГАРФ ф.* 200, оп. 1, д. 478, л. 141.
- ⁵⁴ *Japan Center for Asian Historical Records*. Reference Code B03050173600, Reel 1-0649. P. 234–235.
- ⁵⁵ *ГАРФ ф.* 200, оп. 1, д. 478, л. 156.
- ⁵⁶ *ГАРФ ф.* 200, оп. 1, д. 406, л. 8 об.
- ⁵⁷ *Manela*.
- ⁵⁸ *ГАРФ ф.* 200, оп. 1, д. 406, л. 10; *ГАРФ ф.* 200, оп. 1, д. 478, л. 39, 141, 224.
- ⁵⁹ *Цыремпилов Н.В.* Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье // *Восток: Афро-азиатские общества: история и современность*. 6, 2007. С. 64–75.
- ⁶⁰ *РГАСПИ ф.* 372, оп. 1, д. 239, л. 6–8; *Цыремпилов*. С. 67; *Очиржапов*. С. 8–9.
- ⁶¹ Дандарон Б.Д. Избранные статьи, Черная тетрадь, материалы к биографии, История Кукунора Сумпы Кенпо / В.М. Монтлевич. СПб.: Евразия, 2006.
- ⁶² *Очиржапов*. С. 9–12.
- ⁶³ *ГАРБ ф.* 484, оп. 1, д. 3, л. 6–6 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 11–12 об.
- ⁶⁵ *Очиржапов*. С. 12–15; *ГАРБ ф.* 484, оп. 1, д. 3, л. 6 об.–7 об.
- ⁶⁶ *Цыремпилов*. С. 67.
- ⁶⁷ *Очиржапов*. С. 15–16.
- ⁶⁸ Там же. С. 16–17.
- ⁶⁹ Там же. С. 19–21.
- ⁷⁰ Там же. С. 21–24.
- ⁷¹ *Герасимова К.М.* Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства: 1917–1930 гг. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964.